

точной Галиции⁷⁹. Переговоры затянулись, но в итоге Гофман сумел убедить украинцев снизить свои требования и ограничиться одной лишь Холмщиной. При этом предполагалось, что Буковина и Восточная Галиция образуют коронную автономную территорию под юрисдикцией Австро-Венгрии⁸⁰.

8.3.3. Второй этап переговоров

В результате мирная конференция возобновила работу лишь 27 декабря 1917 г. Сразу после открытия с пространной речью, предвосхищающей все возможные вопросы и контрвыпады советской стороны, выступил Кюльман. Он напомнил, что по предложению советской делегации для привлечения к мирным переговорам *других стран* был сделан 10-дневный перерыв. Срок этот истёк ещё 22 декабря в 12 часов ночи. Страны Антанты предложение проигнорировали. И поскольку Центральные державы готовы были присоединиться к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций» лишь при условии участия в переговорах всех основных воюющих государств⁸¹, то теперь они от этого отказывались.

Кюльман отвергал желание советской делегации перенести переговоры в нейтральную страну и заявил о том, что они будут продолжаться в Брест-Литовске⁸².

Затем слово взял Чернин. Он также высказался против перенесения переговоров, мотивируя это тем, что в Бресте все делегации связаны со своими правительствами прямым проводом телеграфной связи. Затем было сказано главное.

«...Вы, милостивые государи, – заявил австрийский дипломат, – в своё время пригласили нас на всеобщие мирные пере-

⁷⁹ Если Холмщина входила до войны в состав Царства Польского, то Буковина и Галиция являлись австро-венгерскими территориями.

⁸⁰ В дальнейшем этих договорённостей украинская делегация и придерживалась.

⁸¹ Что было подчеркнуто в провозглашённой 12 декабря 1917 г. декларации стран Четверного союза.

⁸² Германский дипломат оговорил при этом, что «ради международной вежливости» он не возражает, чтобы само подписание достигнутых договорённостей происходило в нейтральной стране.

говоры. Мы приняли приглашение, и пришли к соглашению относительно основ всеобщего мира.

Оставаясь верным принятым основам, вы поставили союзникам десятидневный ультиматум. Ваши союзники вам не ответили, и сегодня речь идёт не о всеобщем мире, но о мире *сепаратном* между Россией и державами Четверного союза».

Главы делегаций Турции и Болгарии заявили о своём полном согласии с заявленной позицией.

Вслед за этим выступали военные представители. Генерал Гофман заявил протест против провокационных воззваний Советского правительства, обращённых к германским войскам⁸³. Австро-венгерский, турецкий и болгарский военные делегаты с ним солидаризировались.

Чувствовалось, что ситуация меняется, и дипломаты стран Четверного союза готовы перейти к решительным действиям.

На следующий день 28 декабря председатель делегации УНР В.А. Голубович огласил декларацию Центральной Рады. В ней было заявлено, что власть Совета Народных Комиссаров на территорию Украины не распространяется, и, следовательно, мир, заключённый советской делегацией, не может быть обязательным для Украины, которая будет вести переговоры самостоятельно.

Тут же Кюльман спросил у Троцкого: «Намерен ли он и его делегация и впредь быть здесь единственными дипломатическими представителями всей России?» Ответ был весьма уклончив, но Кюльман продолжал задавать новые вопросы, настаивая на разъяснении: следует ли считать украинскую делегацию частью русской (советской) или же она является представительством суверенного государства?

⁸³ Ещё 13 декабря Совнарком выделил 2 миллиона рублей на агитационную работу и демонстративно опубликовал отчёт об этом в открытой печати. При содействии К.Б. Радека была создана агитационная газета «Die Fackel». По прибытии в Брест-Литовск развил бурную деятельность и Троцкий. Он пытался вести агитацию среди германских солдат, охранявших территорию вокзала и железнодорожные пути. При этом призывы были отнюдь не безобидными. Троцкий убеждал «рабочих в военной форме» последовать примеру русских пролетариев, поднять восстание и повернуть штыки внутрь своей страны. Сам он комментировал свои действия, как попытку «прощупать», будут и способны ли немцы наступать.

В конце концов, Троцкий вынужден был уступить и публично признал украинскую делегацию самостоятельной⁸⁴.

⁸⁴ Много позже, когда Троцкого обвиняли уже во всех смертных грехах, этот его шаг был квалифицирован, как предательство. В изданном в 1945 г. 2-м томе «Истории дипломатии» есть такие строки: «Дипломатическое наступление немцев достигло своей цели только вследствие предательства Троцкого, который... знал, что против Центральной рады поднялось восстание, что Рада фактически находится в состоянии войны с Советской Россией. Ясно было, что дни Рады уже сочтены. Тем не менее, Троцкий признал украинскую делегацию самостоятельной. Тем самым он изменнически пошёл навстречу германским империалистам».

При непредвзятом рассмотрении всё это не выдерживает никакой критики. Отнюдь не Троцкий признал суверенитет Украины. Это сделало само Советское правительство. В ультиматуме от 4 декабря 1917 г., предъявленном Раде в связи с её отказом пропустить красногвардейцев через Донбасс к Ростову было прописано: «...социалистическое Правительство России, Совет Народных Комиссаров, ещё раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России».

Поэтому, мы, Совет Народных Комиссаров, признаём украинскую народную республику, её право отделиться от России или вступить в *переговор(ы)* с Российской Республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними.

Всё, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признаётся нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно...»

Вторым документом, определяющим отношения СНК с Радой, можно считать так называемый «Приказ по армиям» Верховного Главнокомандующего от 16 декабря 1917 г. В нём Крыленко запрещал ранее санкционированную украинизацию воинских частей, но в то же время вновь подтверждал признание суверенитета Украины.

И, наконец, 20 декабря 1917 г. Совнарком, явно обеспокоенный перспективой появления украинцев в Брест-Литовске, вынес постановление, предписывающее предложить Раде начать переговоры о прекращении военных действий и нормализации отношений.

В этих условиях уклониться от признания самостоятельности украинских представителей было невозможно. Откажись Троцкий следовать линии СНК, его полномочия главы советской делегации сами ставились бы под сомнение.

Он, как и многие в Смольном, в этот период всерьёз рассчитывал на изменение состава Украинского правительства и, как следствие, на изменение внутренней и внешней политики Рады. К тому же, Троцкий руководствовался, в том числе и тем, чтобы на переговорах *в любом случае* выступать с украинцами «единым фронтом». Не признав суверенитета Украины, осуществить это было бы весьма проблематично.

Следует также подчеркнуть, когда политика Советского правительства в отношении Рады изменилась, соответствующим образом повёл себя и Троц-

Вечером после заседания комиссии Чернин, Кюльман и Гофман провели совещание, обсудив дальнейшую линию поведения. Гофман настаивал на продолжении ультимативного нажима на советскую делегацию⁸⁵. В то же время дипломаты, уверенные, что поставленная перед ними задача заключения на приемлемых условиях мира с Россией со дня на день будет выполнена, склонялись к более спокойному продолжению переговоров. Предлагалось планомерно обсудить «параграф за параграфом», отбросив в сторону всё неясное, а само обсуждение перенести в политическую комиссию⁸⁶.

На первом же заседании этой комиссии советская делегация потребовала немедленно приступить к обсуждению территориальных споров. Было прямо указано, что разногласия касаются исключительно вопроса о будущем Польши, Литвы и Курляндии. Также Троцкий заявил, что с делегацией прибыли в Брест-Литовск представители трудящихся этих стран⁸⁷, которые ждут, «что скажет им конференция». Кюльман ответил в том смысле, что пусть приехавшие «представители трудящихся» займутся пока экономическими и правовыми вопросами.

Дальнейшая работа конференции протекала в нервной обстановке и продуктивностью не отличалась. Тон, выбранный Троцким, никоим образом продвижению переговоров не содействовал, и конференция топталась на месте. Глава советской делегации всем своим видом давал понять, что если бы решение вопроса зависело от него одного, мир никогда не был подписан⁸⁸. Вероятно, выбранная линия поведения была продик-

кий. Уже 2 января он направил украинской делегации письмо, в котором заявил, что снимает с себя всякую ответственность за её переговоры. Одновременно Троцкий обратился к ЦИК Ук с предложением «принять меры к защите интересов Украинской Республики».

⁸⁵ «Нужно ещё раз хорошенько ударить по голове!» – требовал генерал.

⁸⁶ Чернин с Кюльманом не торопились, так как не могли договориться между собой по украинскому вопросу. В результате, затягивалось подписание мира и с Радой.

⁸⁷ Речь шла о консультантах по национальным вопросам. Троцким подразумевалось, что Радек и Бобинский «представляли» Польшу, Мицкевич-Капсукас – Литву, а Стучка – Латвию.

⁸⁸ Один из членов советской делегации бывший царский генерал А.А. Са-

тована не столько идейными убеждениями, сколько попыткой оказать на немцев психологическое воздействие. За неимением на руках каких-либо козырей приходилось блефовать, но блефовал Лев Давидович мастерски.

При этом, как и было условлено в Петрограде, Троцкий «замедлял». Каждый пункт, каждая формулировка и даже отдельные фразы подвергались сомнению. Всё это выливалось в многочасовые споры по существу ни о чём. И если дипломаты стран Четверного союза воспринимали всё это более-менее сдержанно, то среди германских военных нарастало раздражение⁸⁹.

Вечером 30 декабря советской делегацией были оглашены требования по спорным вопросам. Предлагалось, чтобы правительства Германии и Австро-Венгрии официально подтвердили отсутствие у них намерений присоединить к своей территории *какие бы то ни было области бывшей Российской империи*. При

мойло позже вспоминал: «На заседаниях Троцкий выступал всегда с большой горячностью, Гофман не оставался в долгу, и полемика между ними часто принимала очень острый характер. Гофман обычно вскакивал с места и со злобной физиономией принимался за свои возражения, начиная их выкриком: «Ich protestiere!..» (я протестую!), часто даже ударяя рукой по столу. Сначала такие нападки на немцев мне, естественно, приходились по сердцу, но Покровский мне разъяснил, насколько они были опасны для переговоров о мире. Отдавая себе отчёт о степени разложения русской армии и невозможности с её стороны какого-либо отпора в случае наступления немцев, я ясно сознавал опасность потерять колоссальное военное имущество на огромнейшем русском фронте, не говоря уже о потере громадных территорий. Несколько раз я говорил об этом на наших домашних совещаниях членов делегации, но каждый раз выслушивался Троцким с явной снисходительностью к моим непрощенным опасениям. Его собственное поведение на общих заседаниях с немцами явно клонилось к разрыву с ними... переговоры продолжались, выливаясь главным образом в ораторские поединки между Троцким и Гофманом».

При этом Троцкого, как переговорщика и полемиста, его противники оценивали чрезвычайно высоко. «Троцкий, несомненно, интересный и ловкий человек и очень опасный противник, – говорил о руководителе советской делегации Чернин. – У него совершенно исключительный ораторский талант, быстрота и находчивость реплик, которые мне редко приходилось наблюдать и при этом редкая наглость...»

⁸⁹ Генерал Людендорф писал: «Переговоры не двигались с места. Таким способом, каким они велись в Бресте, вообще нельзя было добиться мира, а возможно было лишь ещё больше подорвать наши моральные силы... Я сидел в Крейцнахе, как на углях, и нажимал на генерала Гофмана, чтобы он ускорил переговоры».

этом решение вопроса о будущем указанных областей должно было разрешиться в условиях полной политической свободы, без воздействия извне, путём всенародного референдума. Голосование при этом могло быть проведено лишь после вывода оккупационных войск и возвращения беженцев и выселенцев.

Ответное слово взял Гофман. «Я должен, – заявил он, – прежде всего протестовать против тона этих заявлений. Русская делегация заговорила так, будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории...» Далее в пространной речи, которую генерал готовил не один день, он вначале изложил свою версию истории соглашения между Германией, с одной стороны, Литвой и Курляндией – с другой, а затем попытался обосновать невозможность выхода германских войск из оккупированных территорий. Доводы генерала сводились к тому, что Литва и Курляндия не обладали, якобы, органами управления и судами, не имели также железных дорог, телеграфа и почты. «Равным образом в ближайшем будущем, – заявил Гофман, – эти народы не будут в состоянии иметь свои собственные войска или милицию из-за отсутствия соответствующих органов, которые могли бы создать всё это».

Речь генерала произвела удручающее впечатление, прежде всего на Кюльмана и Чернина. Российская империя в состоянии был поддерживать надлежащий порядок и создавать необходимую инфраструктуру на своих территориях не хуже Германии. Очевидно было также и то, что подписать на оккупированной территории любое «соглашение» было не труднее, чем привезти с собой «представителей трудящихся». Дипломаты стремились к скорейшему миру, речь генерала ни на шаг к этой цели не приближала.

Советская делегация выступление Гофмана едва ли не проигнорировала. Троцкий изо дня в день продолжал оспаривать любой предлагаемый текст, несмотря на протесты не оставлял попыток агитации среди немецких солдат, и главное, продолжал «замедлять». Переговоры с украинцами также за-

тягивались⁹⁰. Между тем, ситуация в тылу стран Четверного союза начинала обостряться. В Вене нехватка продовольствия достигла критического уровня, и Австрия вынуждена была обратиться к союзнику с просьбой о помощи. Но и по самой Германии прокатилась волна масштабных забастовок, в том числе и антивоенных. Моральный дух германской армии оставался высок, но понятно было, что и он не беспределен. Могло показаться, что позиция Троцкого не так уж и неверна, ещё немного и произойдёт социальный взрыв, чреватый новыми революционными выступлениями в Центральной Европе.

⁹⁰ В этот же период наметился разлад между советской и украинской делегациями. 2 января Кюльман проинформировал Троцкого о том, что будущее оккупированных украинских территорий обсуждается «радовцами» отдельно от советской делегации. Троцкий счёл это нарушением достигнутых ранее договорённостей и направил Голубовичу письмо с резким протестом. «Если мы не протестовали против вашего участия в переговорах, – писал нарком, – то исключительно в надежде, что... поведение ваше будет построено на элементарных демократических принципах и не создаст почвы для конфликтов между вами, с одной стороны, харьковским ЦИК и нами – с другой». Тут же сообщалось о приглашении в Брест-Литовск делегации ЦИК Ук.

6 января, уже после отъезда советской делегации в Петроград, Голубович направил Троцкому полный ответных упрёков ответ: «Грубо демагогический тон Вашего обращения к нам заставляет думать, что единственно достойным ответом... было бы полное его игнорирование... Но мы узнали, что это обращение дано в газеты. И наш ответ Вам адресуется обществу. Соглашение между нашей и Вашей делегацией не состоялось по вине Вашей, так как Вы первый связали Ваше поведение по отношению к нам с поведением Ваших соратников в Петрограде в отношении Генерального секретаря... Будучи самостоятельной делегацией, вести заседания непременно с Вами вместе мы не считаем для себя нужным... никто Вам не мешает присутствовать на наших заседаниях – они открытые. Что касается жизненных интересов трудящихся масс Украины, мы... защищаем их более чем Вы, и мы поражены Вашей претензией – брать на себя публичную ответственность за наши переговоры...

Нелепое и смешное обвинение нас в предательстве с полным правом должно быть возвращено Вам, ибо острая по форме полемика с немцами насколько не может скрыть фактического положения, то есть сдачи Вами одной позиции за другой».

Последнее замечание било не в бровь, а в глаз. Сам факт переговоров, не говоря уже об их характере, позволил немцам перебросить на Западный фронт десятки дивизий, что объективно усиливало позиции столь критикуемого Троцким «германского империализма».

Немцы чётко осознали, что затягивать переговоры далее уже не только не выгодно, но и небезопасно. Не добившись признания на дипломатическом поприще, Гофман более свои доводы никак не аргументировал. 5 января 1918 г. на заседании политической комиссии генерал расстелил перед советской делегацией карту и заявил: «Я оставляю карту на столе и прошу господ присутствующих с ней ознакомиться, – на требование пояснить, что означает линия, начертанная на карте, Гофман ответил. – Начертанная линия продиктована военными соображениями; она обеспечит народам, живущим по ту сторону линии, спокойное государственное строительство и осуществление права на самоопределение».

Линия на карте совпадала с расположением вторгшихся в Россию германских войск и отрезала от страны Польшу, Литву, часть Эстонии и Латвии, незначительные области в Белоруссии и на Украине, Рижский залив и Моонзундские острова, всего территорию размером свыше 150 тысяч квадратных километров.

Троцкий потребовал нового перерыва в работе конференции сроком на 10 дней⁹¹. Формально перерыва объявлено не было, но ввиду предстоящего III съезда Советов⁹² Троцкий с Каменевым отбыли в Петроград, и пленарные заседания прекратились сами собой. Кюльман и Чернин на удивление легко согласились закрыть на это глаза. Германии и Австро-

⁹¹ «Предъявленные в сегодняшнем утреннем заседании территориальные притязания германской и австро-венгерской делегаций, – заявил в прениях Троцкий, – завершают в известном смысле основные политические переговоры. Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений б. Российской империи территорию размером свыше 170000 км²... Державы отказываются вступать в какие бы то ни было объяснения не только относительно срока вывода войск из оккупированных областей, но и вообще отказываются связать себя какими бы то ни было обязательствами, в смысле очищения оккупированных областей от своих войск... Мы считаем своим политическим долгом открыто установить этот факт... Я предлагаю устроить перерыв в работах делегации, дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести своё окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира».

⁹² Проводил работу с 10 по 18 января 1918 г. в Петрограде, в здании Таврического дворца.

Венгрии необходимо было как можно скорее завершить переговоры с украинцами. В Вене не прекращались забастовки, вызванные нехваткой продовольствия и вынужденно урезанной властями нормой выдачи населению муки. Появились и лозунги, выражавшие недовольство затягиванием переговоров.

8 января Чернин выезжал в Вену⁹³, где на следующий день принял участие в правительственном совещании. Решался вопрос о подписании мира с Украиной. Чернин дошёл до сведения присутствующих, что одним из условий договора станет создание украинской автономии на территории Восточной Галиции и Буковины. По его мнению, это, помимо прочего, могло осложнить будущие австрийско-польские отношения. С другой стороны, в самом договоре предусматривались соглашения о поставке Украиной продовольствия, что всё компенсировало.

Выступавший вслед за ним министр-президент доктор Зейдлер заявил, что Германия и Венгрия дать больше ничего не могут и без подвоза украинского продовольствия «катастрофа в ближайшее время неминуема, через несколько недель начнётся повальный мор».

В итоге правительство склонилось к тому, что ради продовольственной безопасности мир с украинцами, даже и ценой изменений, касающихся имперской территории, следует подписать.

Вечером 15 января Чернин вернулся в Брест-Литовск. Днём позже туда же прибыл и Троцкий.

К этому времени Рада, представители которой, прекрасно осведомлённые о катастрофическом положении Австро-Венгрии и поначалу пытавшиеся диктовать свои условия, уже начала терять почву под ногами.

⁹³ «Впечатление от венских беспорядков большее, чем я предполагал, – писал он в дневнике, – и действует подавляюще...»

8.3.4. В Украине

8.3.4.1. Разрыв с Радой.

Выступление 2-го Гвардейского корпуса

К началу декабря после разоружения советских частей в Киеве⁹⁴ отношения с УНР у Советского правительства резко обострились, но в то же время, оставались весьма расплывчатыми⁹⁵. На предъявленный 4 декабря ультиматум⁹⁶ Рада в тот же день ответила пространным, весьма уклончивым заявлением, в котором, однако, давала понять, что неподконтрольные ей части, снятые с фронта, и отряды Красной гвардии через свою территорию не пропустит и навязываемые извне нарушающие суверенитет требования проигнорирует⁹⁷.

⁹⁴ В ночь на 30 ноября Радой были разоружены солдаты 3-го авиапарка, понтонного батальона и других просоветски настроенных частей гарнизона.

⁹⁵ «Взаимоотношения с советской властью, – пишет Деникин, – оставались совершенно неопределёнными, и в половине декабря украинский секретариат предъявил Петрограду «ультимативный» запрос:

«Воюем мы, или нет?»

Действительно, в этом хаосе трудно было определить сущность взаимоотношений двух столкнувшихся «высоких сторон», у которых к тому же ни у одной не было настоящей армии...»

⁹⁶ В нём Совнарком, безоговорочно признавая суверенитет УНР, выдвигал определённые претензии. В частности, в документе было прописано:

«...Совет Народных Комиссаров ставит Раде перед лицом народов Украинской и Российских Республик следующие вопросы:

1. Обязуется ли Рада от попыток дезорганизации общего фронта.
2. Обязуется ли Рада не пропускать впредь без согласия Верховного Главнокомандующего никаких войсковых частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места.
3. Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контрреволюционным кадетско-калединским восстанием.
4. Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения Советских полков и рабочей красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято.

В случае неполучения *удовлетворительного* ответа на эти вопросы в течение сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине...»

⁹⁷ «...Нельзя одновременно признавать право на самоопределение, вплоть до отделения, – говорилось в документе, подписанным Винниченко, Петлюрой и Мирным, – в то же время грубо покушаться на это право навязыванием своих форм политического устройства самоопределившемуся го-